

Афганистан. Джелалабад. «Апартаменты N-2» в комплексе «Первого уровня». 07:50 по местному времени...

Ритмичное царапанье механического карандаша по бумаге было эликсиром для нервов Уитни. Она часто лучше всего думала во время работы над эскизом, когда оба полушария ее мозга были полностью задействованы.

Нити веревки петляли и перекрещивались, играя в прятки на странице, когда они переплетались между собой до невозможности. Дизайн был ее собственным творением, тщательно продуманным, а затем воплощенным в трехмерную жизнь, как это может сделать только тот, кто провел слишком много часов, обдумывая и зарисовывая узлы. Она отдернула руку, чтобы посмотреть на узел, затем сдула графитовую пыль со страницы, прежде чем продолжить.

«Я должна найти новую нить, чтобы продолжить... но как? Где?»

Дверь открылась, и вошел старшина Йи. Уитни подняла глаза и приветствовала ее улыбкой. И присоединилась к ней за столом, усадив свое миниатюрное тело на свободный стул рядом с ней.

— Что ты рисуешь? — спросила она, опираясь на локти, чтобы посмотреть.

— Узел. — ответила Уитни, накладывая штриховку. Затем, упреждая невысказанный вопрос. — Потому что мне нравятся узлы.

— Это довольно замысловатый и сложный узел. — Йи улыбнулась на это.

— Замысловатый, да. Сложный — не очень.

— Ну, он выглядит сложным.

— Для нетренированного глаза, но это иллюзия. Этот узел — простое повторение узора — семь взаимосвязанных узлов трилистника.

— Что такое узел трилистника?

Уитни перестала рисовать и повернула предплечье, чтобы показать другой женщине треугольную, красиво нарисованную татуировку в виде трехлистника на внутренней стороне запястья.

— Это похоже на лист клевера.

— Это и есть происхождение его названия. Трилистник — это общее название «Trifolium», род трехлистных растений, включая клевер... Узел трилистника — самый простой нетривиальный узел.

— Что такое нетривиальный узел?

— Узел, который нельзя развязать, не разрезав его.

— А-а-а-а, понятно, это одна непрерывная нить. — сказала Йи, проводя кончиком пальца по воздуху, глядя на татуировку.

— Именно. Узлы трилистника — хиральные. — Йи кивнула, но по выражению лица Уитни было видно, что она не знакома с этим словом. — Фигура имеет хиральность, когда она не идентична своему зеркальному отражению. Например, наши руки — хиральные. — объяснила Уитни, держа обе руки ладонями наружу, пальцами вверх, а большие пальцы вытянуты под прямым углом.

— О-о-ох, я понимаю... — через мгновение до Йи дошло. — ... это похоже на то, как нельзя удобно надеть перчатку с правой руки на левую, просто перевернув ее. Большой палец становится кривым.

— Именно. — сказала Уитни, затем переместила руки, чтобы совместить тыльную сторону правой руки с ладонью левой, так что пальцы сомкнулись в одном направлении, но большие пальцы оказались на противоположных сторонах. Затем она повернула левую руку так, чтобы тыльные стороны обеих ладоней соприкасались. Теперь большие пальцы были выровнены, но пальцы и большие пальцы согнуты в противоположных направлениях. — Никакая комбинация вращений или переводов не позволит достичь симметрии с хиральными парами. — объяснила она.

— Я думаю, что в принципе я это понимала, но никто никогда не объяснял это формально, теоретически, я имею в виду.

— То, является ли конфигурация хиральной или ахиральной, имеет фундаментальное значение для теории узлов.

— Теория узлов? — повторила Йи и исказила свое лицо. — Только не говори мне, что ты какой-то гений математики.

— Нет, определенно нет. — сказала Уитни со смехом. — Однажды я решила, что хочу сделать татуировку в виде кельтского узла, и начала пытаться нарисовать ее. Что бы я ни делала, у меня не получалось, поэтому я поискала кельтские узлы в Интернете. Один поворот привел к другому — без каламбура — и я обнаружил, что существует целая область под названием теория узлов. Математики и создатели головоломок изучают узлы уже тысячи лет.

— То есть, по сути, ты узловой гик?

— Да, довольно сильно.

— Круто. — сказала Йи, возвращая свое внимание к эскизу. — Теперь, когда я вижу узор, я думаю, что это очень красиво.

— Для меня эти узлы — как метафора работы в разведке. Чтобы правильно нарисовать узел, сначала нужно понять, как он сплетен, и если ты это поймешь, то сможешь его распутать.

— Это то, что ты чувствуешь прямо сейчас?

— Да. — Уитни вздохнула. — Это дело — просто один огромный узел. Я думала, что распутываю его, но не знаю... может быть, я тянула не за ту нить. Что если мы попали не в ту цель? Что если у талибов нет беспилотника? Что, если они не имеют никакого отношения к нападению?

— В игру «что если» я стараюсь никогда не играть. Ты можешь целый день задавать себе подобные вопросы, и это ничего не изменит. — укорила Йи. Судя по выражению ее лица, она знала, о чем говорит, несомненно, благодаря многолетнему опыту работы в разведке для «специальных операций».

— Я знаю, но Чанк и ребята рисковали своими жизнями из-за нашей догадки. Я не могу отделаться от мысли, что, возможно, я облажалась, пытаюсь установить взаимосвязь между нападением на конвой и частями беспилотника и китайскими ракетами, конфискованными с пакистанского грузового судна.

— Если мы продолжим эту линию рассуждений, это будет означать, что оценка боевого ущерба, проведенная парнями из «Океаны», была неверной. Кроме того, мы рассмотрели другие сценарии и исключили минометный обстрел, РПГ и удар ракетой класса «поверхность-поверхность». Вместо того чтобы пересматривать свои первоначальные выводы, почему бы нам не сосредоточиться на поисках беспилотника? Я все время задаю себе вопрос: куда он делся после удара? — сказала Йи.

— Ну, очевидно, что после удара они хотели бы улететь куда-нибудь, где они могли бы скрыться от радаров и попытаться приземлиться. Горные долины — логичное место для этого. Кроме того, если пилот полетит в любом направлении, кроме севера, обратно к пещере, из которой он управлял им, то в конце концов он выйдет из зоны действия и потеряет связь. Беспилотник летал бы до тех пор, пока у него не закончилось бы топливо, а затем разбился бы, но у нас есть люди, которые ищут обломки беспилотника, прочесывают афганскую сельскую местность, и мы ничего не нашли.

— А что в горах?

— Боуман дал задание поискать хоть что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее посадочную полосу в радиусе ста километров от места передачи. Поиски ничего не дали.

— А за пределами ста километров?

— Ну, за пределами ста километров искать бессмысленно. — сказала Уитни.

— Почему?

— Потому что сто километров — это надежный радиус прямой видимости для беспилотника, летящего на высоте. Но попробуйте посадить беспилотник, и этот радиус исчезнет. Как только беспилотник опустится под гору, они столкнутся с помехами. Они никак не смогли бы совершить посадку в Гиндукуше даже в сотне километров от пещеры. И в долине под оплотом талибов, по которому мы ударили, нет ни взлетной полосы, ни обломков.

— Хорошо, тогда вот твой ответ.

— А-а-а?.. Объясни, пожалуйста.

— Они не посадили его в Гиндукуше. — сказала старшина с победной улыбкой. — Они приземлили его в другом месте.

— Что значит «где-то еще»? — Уитни не знала, смеяться ей или сердиться на Йи, поэтому она сделала глубокий вдох и спросила.

— Я не знаю. Это то, что мы должны выяснить.

— Я знаю, как они это сделали! — Уитни уже собиралась ответить язвительно, когда ее взгляд упал на эскиз узла, и на нее снизошло озарение.

— Знаешь?

— Они использовали несколько передатчиков прямой видимости, чтобы увеличить рабочий диапазон. — она постучала пальцем по своему эскизу в месте соединения пары перекрещивающихся узлов трилистника, которые она нарисовала. — Представь, что каждый из этих узлов трилистника — это географическая зона, в которой может летать дрон для одного контроллера «LOS». Там, где встречаются два соседних узла, находится зона передачи, если угодно.

— Я с тобой согласна. Им не нужно было приземляться рядом со станцией управления, которая выполнила атаку, им достаточно было долететь на дроне до границы стокилометрового диапазона другого передатчика и передать управление. После передачи управления

беспилотник мог приземлиться в другом месте.

— Именно. — сказала Уитни и отложила блокнот в сторону, чтобы освободить место для бумажной карты восточного Афганистана и Гиндукуша. И помогла ей разгладить карту, а затем Уитни принялась за работу, рисуя механическим карандашом. — Итак, эта точка — пещера, которая также была местом последнего зарегистрированного сигнала «LOS» в частотном диапазоне, совместимом с дронами. Теперь, если мы нарисуем стокилометровый радиус вокруг точки... мы получим эту область работы, когда сигнал пропал.

— Почти половина круга находится в Пакистане. — сказала Йи.

— К северу и западу от Афганистана находится Национальный лес Нуристан — труднопроходимая местность, высокогорье, практически непригодное для жизни. — Уитни кивнула и набросала еще три круга, которые пересекали первоначальный круг: один на северо-востоке, другой на востоке, а третий на юго-востоке. — Но на востоке, через границу, Хайбер заполнен людьми и инфраструктурой. Посмотрите на все эти города: Пешавар, Мардан, Тимергара, Батхела, Мингора.. не говоря уже о десятках и десятках других деревень, разбросанных вокруг, дружественных талибам. Эти подлые ублюдки... — сказала она, торжествующе хлопнув карандашом по столу. — ... они перебросили его в Пакистан.

— Хорошо, и что же нам теперь делать? — сказала Йи.

— Мы ищем другой источник, передающий сигнал на той же частоте внутри одного из этих трех кругов, недалеко от того времени, когда первоначальный сигнал пропал. — сказала Уитни, вставая из-за стола. — И для этого нам понадобится помощь.

— Ты собираешься обратиться к Чанку с этим?

— Не без данных. — сказала Уитни, доставая из рюкзака спутниковый телефон и думая о том, кому из имеющейся у нее сети она могла бы позвонить, кто был бы достаточно высокопоставленным, чтобы иметь межведомственные связи, которые можно было бы использовать, не пробивая эту теорию сначала через командование «Первого уровня».

— Тогда кому ты звонишь?

— Моему старому начальнику в НКТЦ, Риду Льюису. — сказала она с ироничной ухмылкой. — Технически, именно из-за него я попала в эту передрыгу, так что он может помочь мне выбраться из нее.

— А если эта логика не работает?

— Тогда я буду умолять... — пожалала она плечами. — Никогда нельзя недооценивать силу мольбы.

<http://tl.rulate.ru/book/107955/4063035>